

УДК 1 (091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.4.124

К.Д. КАВЕЛИН О ЛИТЕРАТУРНОМ САЛОНЕ А.П. ЕЛАГИНОЙ¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель статьи – представить позицию Кавелина по отношению к салонной культуре русской интеллигенции 1830–1840-х гг., атмосфера которой питала мировоззрение будущих славянофилов. Для текстовой наглядности выбрана статья «Авдотья Петровна Елагина», написанная Кавелиным и впервые изданная в 1877 г. в журнале «Северный Вестник». Выявлено, что статья, написанная по поводу кончины Елагиной, содержательно вышла за рамки некролога и достигла уровня анализа «умственного строя» русского общества. Статью Кавелина можно разбить на две части: биографическую и аналитическую. В первой части Кавелин как мастер фиксации действительности рисует коллективный портрет истории семьи Юшковых, Киреевских и Елагиных, во второй – пытается дать оценку поколению образованных дворян, чья активная жизнь пришлось на конец царствования Александра I и начало правления Николая I.

Ключевые слова: К.Д. Кавелин, А.П. Елагина, культура, история, литературные салоны, славянофильство.

Исследователи творчества русского мыслителя второй половины XIX в. К.Д. Кавелина солидаризируются во мнении о том, что его оценка славянофильства носит конструктивно-критический характер. Конструктивный подход виден в том, что Кавелиным создана ценностно-рефлексивная модель учения славянофилов; критический заключен в многофакторном анализе, выявляющем сильные и слабые стороны высказываний славянофилов (А.В. Малинов) [8]. В своей оценке Кавелин выделяет формы культуры, ставшие для славянофилов предметом их особой рефлексии. Так, наука для них символизирует стремление к достижению полноты жизни; философия – рост национального самосознания; теология – осмысление нравственной стороны христианства; история – деятельность субъекта, желающего совершенствовать действительность (Е.Е. Михайлова) [9]. Работая над проектом крестьянской реформы в России, Кавелин счел уместным использовать идею ранних и зрелых славянофилов о сохранении национально-культурной самобытности русского народа. Привлекательность этой идеи заключалась в том, что она обосновывала «хоровое» начало жизненного уклада и сильную самодержавную власть, способную обеспечить правовую защиту личности [10, с. 77].

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

Цель статьи – очертить позицию Кавелина по отношению к салонной культуре русских интеллектуалов 1830–1840-х гг., чья атмосфера питала мировоззрение будущих славянофилов. Для текстовой наглядности выбрана статья «Авдотья Петровна Елагина», написанная Кавелиным и впервые изданная в 1877 г. в № 68–69 журнала «Северный Вестник». Спустя два десятка лет, в 1899 г., эта статья попадет в III том собрания сочинений Кавелина.

Историография вопроса о сущности салонной культуры России 30–40-х гг. XIX в. и о личности самой Авдотьи Петровны Елагиной хорошо фиксируется по темам, волнующим исследователей, – круг друзей и салонных встреч Елагиной (Д.А. Романов); коммуникативность и информационность литературных салонов (Е.В. Семенова); мировоззренческие искания Кавелина за границей и на родине (О.В. Пыжова); экзистенциальное свойство Елагиной заботиться о близких людях (Э.М. Жиликова, О.И. Волков) и другие вопросы (см.: [2; 11–13]).

Суждение Кавелина, о том, что салон Елагиной был местом встречи «всей русской интеллигенции, всего, что было у нас просвещенного, литературного и научно-образованного», часто цитируется в исследовательских текстах. Во многом это явление связано с личностью самой хозяйки салона. Племянник Кавелина Дмитрий Александрович Корсаков так описывает жизненный круг Елагиной: «Получив прекрасное домашнее воспитание и состоя в родстве с В.А. Жуковским, Авдотья Петровна Елагина с молодых лет и до глубокой старости жила в самой образованной среде: вокруг нее в течение долгих лет группировалось несколько поколений русских литераторов, ученых, поэтов, художников, публицистов» [7, с. XXVI].

Содержательно статью Кавелина можно разбить на две части: биографическую и аналитическую. В первой части Кавелин как мастер фиксации действительности рисует коллективный портрет истории семьи Юшковых, Киреевских и Елагиных, во второй – пытается дать оценку поколению образованных дворян, чья активная жизнь пришлась на конец царствования Александра I и начало правления Николая I. Кавелин показывает, что литературные салоны 30–40-х гг. XIX в. стали центром регулярных встреч городской интеллигенции, в числе которых были люди с состоянием и без такового, дворяне, состоящие на службе и, наоборот, не занимающиеся служебной деятельностью, писатели, публицисты, профессора и студенты университетов, заезжие иностранцы и т. д.

В число посетителей московских салонов в свои студенческие годы входил и сам Кавелин. «Осыпанный покойной вниманием и ласками с молодых лет, безгранично обязанный на первой поре жизни многим ей лично, почтенному ее семейству и ее салону, связывая с дорогим мне семейством Елагиных лучшие воспоминания молодости, я считаю обязанностью сохранить для будущего времени то, что знаю сам и из рассказов родных об этой замечательной русской женщине», – такими чувствами и желаниями предвзвешивает Кавелин написание своей статьи о Елагиной [3, с. 1115].

Посещение салонов, подмечает Кавелин, было главной потребностью образованных москвичей и их гостей из других городов и стран. Ему вторит и А.И. Герцен, обронивший фразу, широко цитируемую впоследствии исследователями всех мастей: «В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А.П. Елагиной» [1, т. 1, с. 447]. Прожив в Москве с 1842 по 1847 гг., вплоть до своего отъезда за границу, Герцен сохранил о ней самые трогательные воспоминания. Гости московских салонов, по его наблюдениям, делились на две группы: те, кто имел мнение по обсуждаемому вопросу и, соответственно, участвовал в полемике, и те, кто просто слушал.

Вот две иллюстрации из «Былое и думы». Первая: «Вообще, в Москве жизнь больше деревенская, чем городская, только господские дома близко друг от друга. В ней не приходит все к одному знаменателю, а живут себе образцы разных времен, образований, слоев, широт и долгот русских. ... Хор этого общества был составлен из не служащих помещиков или служащих не для себя, а для успокоения родственников, людей достаточных, из молодых литераторов и профессоров» [1, т. 1, с. 445]. Вторая: «Но не такова была Москва сороковых годов, и вот эта-то Москва и принимала деятельное участие за мурмолки и против них; барыни и барышни читали статьи очень скучные, слушали прения очень длинные, спорили сами за К. Аксакова или за Грановского, жалея *только*, что Аксаков слишком славянин, а Грановский недостаточно патриот» [1, т. 1, с. 446–447].

Выведенные из-под пера Герцена, эти картинки московских салонов связываются воедино двумя факторами – близким соседством их посетителей и приверженностью общей теме разговоров о будущем России. Семья А.П. Елагиной жила в доме у Красных ворот, П.Я. Чаадаев – на Басманной улице, а особняк Д.Н. Свербеева находился на Тверском бульваре. Расположенные в довольно тесной локации, эти дома притягивали самых разных горожан и объединяли их в единое жизненное пространство. В каждом салоне чувствовалась своя специфика, однако приветствовалась и поливариантность суждений. Так, у посетителей семьи Елагиных превалировали славянофильские настроения, но это не мешало гостям с западническими воззрениями чувствовать себя там весьма комфортно и реализовывать потребность в общении. Оживленные споры из литературных салонов переносились на страницы газет, журналов и на кафедры Московского университета [7, с. XVI]. Именно при таких условиях в салоне Елагиной завязалась дружба молодых в ту пору Кавелина и Герцена. Кавелин вошел в салон Елагиной благодаря своим университетским товарищам, ее сыновьям – Петру Васильевичу Киреевскому, Николаю Алексеевичу и Василию Алексеевичу Елагиным, а также другу семьи, будущему историку-слависту Дмитрию Александровичу Валуеву [7, с. XVII].

В летний сезон, когда многие уезжали в свои окрестные поместья, дискурсивная атмосфера салонов сохранялась, приобретая лишь особый окрас на фоне природы. Для людей возраста Кавелина эти места были, как

правило, связаны с детством и юностью. Имена семьи Елагиных и Кавелиных располагались в одном и том же Белевском уезде Тульской губернии. О той поре мемуарная литература оставила нам много воспоминаний, овеянных теплотой и легкой грустью. Вот какие зарисовки Петрищево – родового села Елагиных – оставила их внучка М.В. Беэр: «Дом в Петрищево был небольшой, деревянный, некрасивый снаружи, но уютный внутри, и я не могу понять, как размещались все гости в маленьких комнатках, очевидно, спали уже на полу. В саду было несколько липовых, кленовых и еловых аллей» [12, с. 167]. Герцен так описывает летнюю жизнь в своем родном селе Покровское: «...И вспомнится небольшое местечко перед домом, ...на траве трехлетний мальчик, валяющийся в клевере и одуванчиках, между кузнечиков, всякими жуками и божьими коровками, и мы сами, и молодость, и друзья» [1, т. 1, с. 402]. А двухдневный проезд Белинского и Грановского воспроизводится в его памяти как «одна из светлых эпох нашей жизни, от прошлых бурь едва оставались исчезнувшие облака; дома, в кругу друзей, была полная гармония!» [1, т. 1, с. 403].

Текст статьи Кавелина говорит нам о том, что для него московский салон Елагиной – это символ поколения людей, руководствовавшихся ценностями либерального периода правления Александра I. Собирая воедино портрет завсегдатаев салона, Кавелин особо останавливается на таких их характеристиках, как гуманитарный и литературно-эстетический настрой жизни, образованность, просвещенность, нравственный идеализм [3, с. 1127]. Искренне высказывая подобное суждение, Кавелин далек от сентиментальной идеализации хозяев и посетителей их салонов. Их словесные портреты под пером мастера приобретают емкость и естественную жизненную противоречивость. Так, Василий Иванович Киреевский, первый муж Авдотьи Петровны, в оценке Кавелина, ученый, полиглот, но при этом «своеобразен до странности». «Киреевский был религиозен до нетерпимости, ненавидел Вольтера, скупал и истреблял его сочинения». И здесь же, после критики идет следом рассказ о том, как Киреевский в 1812 г., без каких-либо казенных распоряжений, добровольно взял на себя организацию госпиталя в Орле, и заботился с одинаковым смирением, по-христиански не только о раненых соотечественниках, но и о пленных французах [3, с. 1117–1118].

Угасание активности александровского поколения Кавелин объясняет оторванностью образованных людей от реальной жизни народа. Избранные кружки резко возвышались над массой народа, вели особый образ жизни и не проявляли желания сблизиться с другими слоями. Участники салонов не ставили задачу «популяризировать свои знания» и поднимать до своего уровня окружающую их массу необразованных людей.

Собственно, Елагины и посетители их кружка, в подавляющем своем большинстве, хорошо знали только один тип народа – своих домашних слуг. Взаимоотношения между господином и слугой складывались самыми разными способами и имели два противоположных угла зрения – «из барских

покоев» и «из передней». Образованный хозяин зачастую старался обучить своего слугу грамоте и письму, донести знания в доступной форме. Слуга чаще всего отзывался на это дело с неохотой, не мог оценить интеллект и личные заслуги своего барина, считал все «непонятным чудачеством, диковинной штукой, которой себя только тешили господа и дворяне» [3, с. 1131].

Проиллюстрируем две типичные ситуации, одну из которых возьмем у Герцена, другую – у самого Кавелина.

Говоря о своем слуге Матвее, Герцен описывает их взаимоотношения, скорее, в дихотомии не «господин/подчиненный», а «мастер/ученик»: «Я часто был им недоволен, но вовсе не как слугой... Я печально смотрел на его будущность... Его чтение ограничивалось романами и стихами; он их понимал, ценил, иногда очень верно, но серьезные книги его утомляли. Он медленно и плохо считал, дурно и нечетко писал» [1, т. 1, с. 405].

В очерке «Слуга» (1857) Кавелин тоже отмечает схожее противоречие «умственного строя» общества: со стороны помещика есть желание дать образование своему слуге, со стороны человека из народа – индифферентность и отсутствие умственной активности. «От неизменной и узкой сферы, в которой вращается слуга, от привычки смотреть на мир Божий из передней, – всё, даже самое почтенное и достойное, пройдя сквозь голову и сердце лакея, опошляется» [5, с. 1186]. По наблюдениям Кавелина, большинство лакеев или не любят умственно трудиться, или остаются вовсе безграмотными. «Оттого и существует давнишнее правило не водить дружбы с лакеем, не фамильярничать с ним, потому что лакей тотчас же зазнается и возмечтает, что он равен с баринном. Для лакея близость и дружба есть патент на дерзкое и наглое обращение, потому что лакей всюду несет с собой, подобно Петрушке Гоголя, особенный, ему одному свойственный запах», – продолжает Кавелин в этом же очерке [5, с. 1190].

Позже Кавелин смягчится и спустя несколько лет посмотрит на отношения с крестьянами по-другому – с пониманием необходимости взаимного движения друг к другу. В письме своему другу, фрейлине двора баронессе Эдите фон Раден, он напишет: «В России можно в деревне сделать бездну добра с самыми малыми средствами. Почва хорошая, плодородная. Нужно терпение и любовь к людям, нужна непоколебимая честность и справедливость, но нужно также, чтобы крестьяне понимали, что доброта не есть результат слабости или глупости, а сознательного желанья быть добрым» [7, с. 6]. Но это уже слова, сказанные человеком в эпоху пореформенной России; они обращены не к личности слуги, а к общинному крестьянскому миру.

Дворяне эпохи Александра I, отмечает Кавелин, неосознанно отстранялись от других слоев населения, старались жить своей особой жизнью, предпочитали не выходить из зоны личного комфорта и дистанцировались от народа. Но упрекать их за аристократическое пренебрежение к другим было бы непросчительной ошибкой, считает Кавелин: «Эти люди, напротив, горячо любили свою родину, горячо желали для всех и каждого тех благ,

которыми сами жили, в своих чаяниях и стремлениях» [3, с. 1129]. Как «тепличные растения», хозяева и посетители салона не смогли жить в реальной действительности. «Непосредственная грубость и невозделанность этой почвы делала немислимой пересадку в нее прекрасных, но тонких и нежных растений, привыкших к искусственной теплоте и свету, и они завяли, не пустив корни», – так образно описывает Кавелин причину ухода с исторической сцены этого поколения [3, с. 1132].

Салоны, подобные салону Елагиной, рисуются Кавелиным как «искусственные центры, со своей особой атмосферой, в которой вырабатывались изящные, глубоко просвещенные и нравственные личности» [3, с. 1129]. При этом Кавелин не рассматривает салонную жизнь как изолированную локацию для образованных горожан. Он справедливо говорит о том, что жизнь в Москве 30–40-х гг. XIX в. олицетворяла «работу русской мысли и русского сознания» и центрировалась не только вокруг салонов, но и журналов, и вокруг университета. «Университетское преподавание, литературная деятельность, литературные кружки и салоны находились между собой в теснейшем общении и оказывали друг на друга большое и благотворное влияние», – так оценивает Кавелин роль общественно-литературных салонов в статье «Московские славянофилы» (1878) [4, с. 1160].

Славянофильский настрой салона Елагиной оставил сильный след в жизненном мире самого Кавелина. Выражая последовательно западнические и позитивистские настроения, спустя двадцать с лишним лет он по-прежнему будет называть себя славянофилом. Так, столкнувшись за границей с атмосферой потребительства и ханжества в повседневной жизни европейцев, он начинает сожалеть о своих былых воспеваниях западной культуры. В письме 1863 г. к баронессе Э.Ф. Раден звучит ирония: «Итак, вы видите, я стал совершенным славянофилом, только с некоторыми важными различиями, о которых когда-нибудь поговорим подробно» [7, с. 5]. Познакомившись еще в юности в салоне Елагиной с А.С. Хомяковым и К.С. Аксаковым, на всю последующую жизнь Кавелин проникнется важностью этических идей славянофилов. Например, критически относясь к церковно-обрядовым формам повседневной жизни, в своем позднем творчестве Кавелин оценит важность «принципов христианской нравственности» [7, с. XVII].

Имманентную связь Кавелина с идеями славянофилов отмечает и его современник, юрист А.Ф. Кони. В своей статье «Памяти К.Д. Кавелина» он пишет: «Кавелина называли чуждые ему люди *узким западником*. Но близкие, в дружеской беседе, иногда в шутку говорили ему, что он *отъявленный славянофил*. А он не был ни тем, ни другим. Он был самим собой» [6, с. XIV]. Вот почему, продолжает Кони, на похороны Кавелина пришли люди самых разных поколений: и «человек сороковых годов», и бывший петербургский студент начала «шестидесятых годов», и мировой посредник «первого призыва», и военный юрист «восемидесятых годов», и писатель, и

ученый, и художник, и бедняк из Андреевского прихода [6, с. XIX]. Развивая мысль русского правоведа о том, что Кавелин был «самим собой», можно усмотреть в его исследовательском мировоззрении элементы взглядов и западников (легитимация законности, свобода и автономия личности), и славянофилов («хоровое» начало организации власти и гражданского общества; вера в историческую судьбу родины; нравственные искания).

Выводы

После знакомства с суждениями Кавелина о роли литературных салонов в России 30–40-х гг. XIX в. напрашиваются следующие выводы. Кавелин входил в число посетителей салона во время учебы в университете, до своего переезда в Петербург. Но дружеские и интеллектуальные связи, приобретенные в эти годы, он сохранил на всю жизнь. Текст статьи говорит нам о том, что для Кавелина салон Елагиной – это символ поколения людей, руководствовавшихся ценностями либерального периода правления Александра I. Собирая воедино портрет завсегдаев салона, Кавелин особо останавливается на таких их характеристиках, как гуманитарный и литературно-эстетический настрой жизни, образованность, просвещенность, нравственный идеализм. Угасание активности этого поколения Кавелин объясняет целым рядом факторов: политических, социальных, идейных и т. д. Но главным фактором называет гуманистический, выраженный в отрыве образованных людей от реальной жизни народа. Кавелин фиксирует суть противоречий: с одной стороны, участники салонов проявляли аристократическое пренебрежение к народу как «темному большинству», дистанцировались от него, с другой – признавали личность как высшую ценность и считали, что «образование, знание, талант, ученые и литературные заслуги выше сословных привилегий, богатства и знатности» [3, с. 1130].

Можно отметить еще своеобразный психотерапевтический аспект оценки Кавелина. Салон Елагиной воспринимается им как родной дом, как школа для молодых людей, как возможность не чувствовать свою разрозненность и одиночество. Салонная жизнь только внешне напоминала социальное бездействие и пустые либеральные мечтания, далекие от реальной действительности. На самом деле, по выражению Кавелина, салоны олицетворяли «соединение сил» разных поколений. «Бремя, которое взваливается на интеллигенцию всей обстановкой русской действительности, еще кое-как выносится при соединении сил, но оно тяжело давит лучших людей по одиночке» [3, с. 1122].

Список литературы

1. Герцен А.И. Былое и думы: в 2 т. / сост., предисл. и коммент. И.Г. Птушкиной. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. Т. 1. Ч. 4. Москва, Петербург и Новгород. С. 329–531.

2. Жилиякова Э.М., Волков И.О. Новые страницы переписки В.А. Жуковского и А.П. Елагиной // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сб. мат-лов VI (XX) Межд. конф. молодых ученых / под ред. Е.О. Третьякова. Томск: Изд-во ООО «СТТ», 2020. С. 197–199.
3. Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Наука, философия и литература. С. 1115–1132.
4. Кавелин К.Д. Московские славянофилы сороковых годов // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4-х т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Наука, философия и литература. С. 1133–1166.
5. Кавелин К.Д. Слуга (современный физиологический очерк) // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 4. Публицистика. С. 1186–1192.
6. Кони А.Ф. Памяти Константина Дмитриевича Кавелина // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Наука, философия и литература. С. VII–XX.
7. Корсаков Д.А. Из жизни К.Д. Кавелина во Франции и Германии в 1862–1964 гг. (По его переписке за это время) // Русская мысль. М.: Тип. И.Н. Кушнерова и К, 1899. Кн. VII. С. 1–15.
8. Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: Русская Христианская гуманитарная академия, 2020. 608 с.
9. Михайлова Е.Е. Смысловая значимость славянофильства в оценке К.Д. Кавелина // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. № 2. С. 129–135.
10. Михайлова Е.Е., Бельчевичен С.П. Позитивизм и марксизм в России: Проблема социокультурного развития. Тверь: СФК-офис, 2012. 348 с.
11. Пыжова О.В. Образ России: от западничества к славянофильству (по письмам К.Д. Кавелина) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5-1 (11). С. 166–169.
12. Романов Д.А. Свидетельница золотого века русской литературы А.П. Елагина // Тульский краеведческий альманах. 2021. № 18. С. 160–177.
13. Семенова Е.В. У истоков становления русской философской культуры: литературные салоны России XIX века // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 1. С. 44–48.

K.D. KAVELIN ABOUT THE LITERARY SALON OF A.P. ELAGINA

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the article is to present Kavelin's position in relation to the salon culture of the Russian intelligentsia of the 1830s and 1840s, the atmosphere of which nourished the worldview of future Slavophiles. For clarity of the text, the article «Avdotya Petrovna Elagina», written by Kavelin and first published in 1877 in the journal «Severny Vestnik», is selected. It is revealed that the article written about Elagina's death has significantly gone beyond the obituary and reached the level of analysis of the «mental system» of Russian society.

Kavelin's article can be divided into two parts: biographical and analytical. In the first part, Kavelin, as a master of fixing reality, draws a collective portrait of the history of the Yushkov, Kireevsky and Elagin families, in the second part he tries to assess the generation of educated nobles whose active life fell at the end of the reign of Alexander I and the beginning of the reign of Nicholas I.

Keywords: *K.D. Kavelin, A.P. Elagina, culture, history, literary salons, Slavophilism.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Professor, of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru